PEDAGOGIK TADQIQOTLAR JURNALI
ISSN: 3060-4923 Impact Factor –7,212

КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Абдувахабова Мубинахон Азизбековна
студентка 2-курса Андижанского
государственного института иностранных языков
E-mail: imizel2029@gmail.com

Атабаев Ахаджон Джумакузиевич
Научный руководитель:
доктор филологических наук (DSc), профессор
https://doi.org/10.5281/zenodo.23481529

Аннотация: В статье в сопоставительном аспекте рассматривается концепт любви в русской и западноевропейской литературе XIX века. На материале произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, а также Стендаля, Г. Флобера, Ш. Бронте и Г. де Мопассана выявляются универсальные и национально-специфические составляющие художественной концептуализации любви. Показано, что западноевропейская традиция тяготеет к анализу любви как страсти и социального феномена, тогда как русская литература осмысляет любовь прежде всего как нравственное испытание и путь духовного становления личности.

Ключевые слова: концепт, любовь, русская литература XIX века, зарубежная литература, компаративистика, любовь-испытание, адюльтерный роман, национальная картина мира.

Введение

В современной филологии концепт понимается как единица ментального мира, «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), получающий в художественном тексте индивидуально-авторское воплощение. Концепт любви принадлежит к числу базовых констант любой национальной культуры, и потому его художественные репрезентации представляют благодатный материал для сопоставительного исследования. XIX век -эпоха, когда европейский роман сделал любовное чувство главным инструментом познания человека: через любовь проверяются характер, мировоззрение и нравственная состоятельность героя. Вместе с тем русская и западноевропейская литературы разрабатывали этот концепт по-разному, и различия эти отражают глубинные особенности национальных картин мира. Цель статьи -выявить общее и особенное в художественной концептуализации любви у русских и зарубежных писателей XIX века. Методологическую основу составляют сопоставительный и концептуальный анализ, а также элементы мотивного анализа художественного текста.

Романтизм первой трети века утвердил понимание любви как высшей ценности, противостоящей прозе обыденного существования. Однако уже на этом этапе обнаруживается

национальное своеобразие. В западной традиции - у Байрона, раннего Гюго -любовь неотделима от бунта: она либо испепеляющая страсть, либо утраченный идеал, питающий «мировую скорбь» героя. В «Соборе Парижской Богоматери» Гюго строит целую иерархию видов любви - от животного вожделения Клода Фролло до самоотверженного чувства Квазимодо, -утверждая романтическую идею о том, что способность любить есть подлинная мера человечности, не зависящая от внешней красоты и социального положения.

Пушкин, пройдя школу романтизма, приходит к гармонической концепции любви, уникальной для европейской литературы его времени. Формула «Я вас любил так искренно, так нежно, / Как дай вам Бог любимой быть другим» соединяет силу чувства с самоотречением: любовь у Пушкина не требует обладания и не превращается в страдание-месть. Эта же этическая доминанта определяет финал «Евгения Онегина»: знаменитое «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» ставит долг и внутреннюю цельность выше чувства -решение, немыслимое для героини французского романа той эпохи. Так уже у истоков русской классики концепт любви оказывается неразрывно связан с категориями долга, жертвы и духовной высоты.

В русской литературе середины века складывается устойчивая сюжетная модель, которую Н. Г. Чернышевский иронически описал в статье «Русский человек на rendez-vous»: герой, красноречивый в теории, оказывается несостоятельным перед лицом любви. В «Асе» и «Рудине» Тургенева любовь функционирует как безошибочный нравственный тест: решительность Аси и Натальи Ласунской оттеняет слабость героев-мужчин, неспособных ответить на чувство поступком. Тип «тургеневской девушки» -цельной, готовой к жертве натуры -становится своеобразным этическим эталоном, по которому измеряется «лишний человек».

Показательно сопоставление с английским романом той же эпохи. В «Джейн Эйр» Ш. Бронте любовь также неотделима от нравственного испытания, однако испытуемой стороной выступает героиня: Джейн покидает любимого Рочестера, узнав о его живой жене, поскольку чувство не может быть куплено ценой достоинства и моральной чистоты. Возвращение героини к ослепшему Рочестеру - награда за верность принципам. Английская традиция, воспитанная пуританской этикой, сближается здесь с русской в утверждении примата нравственного закона над страстью, но существенно отличается финалом: викторианский роман допускает счастливую развязку как торжество добродетели, тогда как русский роман, как правило, оставляет героев перед лицом невосполнимой утраты -«счастье было так возможно, так близко».

Особое место в тургеневской концептуализации любви занимает повесть «Первая любовь», где чувство впервые в русской прозе показано как стихийная, иррациональная сила, не подвластная воле человека. Шестнадцатилетний Володя, влюблённый в Зинаиду, открывает, что его соперник -собственный отец, и знаменитая сцена с хлыстом обнажает страшную изнанку страсти: любовь у Тургенева способна не только возвышать, но и порабощать, унижать, разрушать. Предсмертные слова отца героя -«бойся женской любви, бойся этого счастья, этого яда» -формулируют трагическую философию, сближающую Тургенева с шопенгауэровским пониманием любви как слепой воли. Тем самым в русской литературе концепт любви

раздваивается: рядом с любовью-испытанием возникает любовь-стихия, предвещающая открытия Достоевского.

Французская реалистическая традиция подвергла романтический концепт любви аналитическому разложению. Стендаль, автор трактата «О любви» с его знаменитой теорией «кристаллизации», в «Красном и чёрном» изображает чувство в неразрывной связи с честолюбием: любовь Жюльена Сореля к госпоже де Реналь начинается как акт социального самоутверждения плебея и лишь перед казнью очищается до подлинного чувства. Любовь у Стендаля -поле битвы самолюбий, энергия, неотделимая от воли к возвышению.

Классическим материалом для сопоставления национальных концепций любви служат «Госпожа Бовари» Флобера и «Анна Каренина» Толстого. Сюжетная схема сходна: замужняя женщина, адюльтер, самоубийство. Однако концептуальное наполнение различно. Эмма Бовари не столько любит, сколько жаждет любви, вычитанной из романов; её драма -драма воображения, отравленного пошлыми образцами, и Флобер анализирует чувство героини с беспощадной иронией врача, вскрывающего болезнь века -«боваризм». Анна Каренина любит подлинно, и Толстой не позволяет читателю усомниться в силе и искренности её чувства. Трагедия Анны -не следствие пошлости мечтаний, а неразрешимый конфликт живой любви с ложью света, с институтом брака без любви и, глубже, с невозможностью построить жизнь на одном лишь чувстве, вырванном из мира долга и связей. Эпиграф «Мне отмщение, и Аз воздам» переводит адюльтерный сюжет в религиозно-нравственное измерение, немыслимое для флоберовской поэтики объективного письма. Показательно и различие в изображении смерти героинь: натуралистически подробная агония Эммы контрастирует с внутренним монологом Анны, где до последнего мгновения продолжается работа ищущей правды души.

Трагическому сюжету «Анны Карениной» в творчестве самого Толстого противостоит положительный полюс концепта -«мысль семейная» «Войны и мира». История Наташи Ростовой строится как испытание и созревание чувства: от полудетской влюблённости в Бориса через ослепление страстью к Анатолю -едва не погубившее героиню -к зрелой любви-служению в браке с Пьером. Эпилог романа, где «сильная, красивая и плодовитая самка» демонстративно лишена поэтического ореола, утверждает специфически толстовское понимание: подлинная любовь есть не поэзия влюблённости, а проза ежедневной самоотдачи, растворения в семье. Западный роман XIX века подобного апофеоза семейной любви как духовной ценности практически не знает: у Флобера и Мопассана брак -среда, враждебная чувству, у Стендаля -социальная условность.

Достоевский вносит в концепт любви трагическую антиномичность: в его мире любовь двоится на «любовь-сострадание» и «любовь-страсть», и их столкновение гибельно. В «Идиоте» князь Мышкин любит Настасью Филипповну жалостью, Рогожин -испепеляющей страстью, и оба чувства оказываются бессильны спасти героиню, а их носителей приводят к катастрофе. Вместе с тем именно у Достоевского любовь наделяется воскрешающей силой: в эпилоге «Преступления и наказания» «любовь воскресила» Раскольникова и Соню, и это возрождение прямо соотнесено с евангельским сюжетом о воскрешении Лазаря. Ни у одного западного романиста XIX века любовь не несёт столь явной сотериологической, спасительной функции.

Конец века сближает русскую и французскую новеллистику в изображении «негероической» любви обыкновенных людей, но и здесь различие концепций ощутимо. У Мопассана («Пышка», «Милый друг») любовь чаще всего демистифицирована: она предстаёт как влечение, сделка или орудие карьеры, и авторский скепсис распространяется на саму возможность высокого чувства. Чехов в «Даме с собачкой» ведёт героя противоположным путём: пошлый курортный роман неожиданно перерастает в единственную подлинную реальность жизни Гурова. Чеховская любовь не спасает и не губит -она пробуждает, заставляя героя впервые увидеть ложь своего существования; финал рассказа принципиально открыт: «самое сложное и трудное только ещё начинается». Концепт любви здесь освобождается и от романтической идеализации, и от натуралистического снижения, сохраняя главное для русской традиции значение -быть событием нравственного пробуждения личности.

Заключение

Сопоставительный анализ позволяет говорить об общем движении европейской литературы XIX века от романтической идеализации любви к её реалистическому и психологическому исследованию -движении, в котором русская и зарубежная традиции участвуют на равных. Универсальными оказываются понимание любви как высшего испытания личности и связь любовного сюжета с критикой социальных институтов. Национальная специфика проявляется в доминантах концепта: западноевропейская литература (прежде всего французская) концептуализирует любовь как страсть, анализируемую в её психологических механизмах и социальных обусловленностях, английская -как чувство, подчинённое нравственному закону и вознаграждаемое им; русская же традиция последовательно этизирует и одухотворяет любовь, осмысляя её как жертву, сострадание, испытание и путь духовного воскресения. Именно эта нравственно-религиозная доминанта, заданная Пушкиным и доведённая до предельной глубины Достоевским и Толстым, составляет своеобразие русского концепта любви и объясняет его особое место в мировой литературе.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского.-М.: Советская Россия, 1979.
2. Воркачёв С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. -М.: Гнозис, 2007.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. -Л.:Художественная литература, 1977.
4. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. -Л.: Просвещение, 1983.
5. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века. -М.: Высшая школа, 1977.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. -М.: Академический проект, 2004.